

Владимир Шестаков
Суражский вокзал

рассказы

Владимир Шестаков

Суражский вокзал. Рассказы

«Издательские решения»

Шестаков В.

Суражский вокзал. Рассказы / В. Шестаков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850245-3

«Мне неважно, на каком языке вы говорите. Мне неважно, считаете ли вы себя хорошим человеком или нет. Мне неважно, искренни ли вы в своих убеждениях и вере. Если есть хоть что-то, что вы думаете вы способны контролировать в своей жизни, — у вас нет никакой духовности, по мне, вы — лжец. Вы лжете себе. Вы лжете другим. Это просто так и есть». Ра Уру Ху

ISBN 978-5-44-850245-3

© Шестаков В.
© Издательские решения

Содержание

Маленькая женщина	6
Радуга за углом	9
Скрытый дефект	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Суражский вокзал Рассказы

Владимир Шестаков

© Владимир Шестаков, 2017

ISBN 978-5-4485-0245-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Маленькая женщина

«Достоевский и Кафка умерли в съёмных квартирах.
Они были уверены, что знают этот мир лучше нас.
Возможно в их жизни не хватало маленькой женщины.
Маленькие женщины знают, как этого избежать»

У К. не было выбора. Одно единственное место в конце потёртого автобуса было свободным. К. хотел сесть на ступеньку у входной двери возле водителя, но тот категорически повёл взглядом и махнул головой назад.

К. неуклюже сжал свой старый портфель и под пристальные взгляды местных жителей пошёл по салону обычного рейсового автобуса. Маленькая женщина понимающе встала и пропустила К. к месту у окна. Она села рядом почти неслышно.

Было что-то нелогичное в её бесшумном присутствии, что—то невозмутимое и безразличное таилось в каждом её движении. К. бросил беглый трусливый взгляд на молодую женщину в лёгком цветном платье с открытыми руками и нервно отвернулся.

Пыльное большое окно выпустило его испуганный взгляд на простор майского поля, усыпанного незатейливыми пятнами диких цветов. Автобус с рёвом тяжело тронулся с остановки посреди цветущего луга и поехал по пыльной дороге.

К. по—дурачки сжимал свой портфель у себя на коленях, что вызвало настороженный взгляд маленькой женщины—соседки. Его пальцы побелели от напряжения. К. всегда чувствовал себя неловко среди чуждого ему мира простого человека, всё в этой простоте казалось ему нелогичным, трудно исполнимым и безрадостным. Он так запутался в своей жизни со своими, подобными этим, умозаключениями, что находился на уровне инстинктов.

Сложный он был человек, скорее, совсем потерянный. Машины у него не было, как и семьи, поэтому ехать в далёкую деревню приходилось таким незатейливым способом.

Его приятель попросил написать статью о достопримечательностях древнего храма, который находился теперь уже совсем рядом. К. хотел быстро попасть к руинам храма, всё там рассмотреть, поговорить в краеведческом музее, что—то запомнить, что-то записать и сразу назад. Не было в его душе места огородам, дачам, рыбалкам и всяким другим напастям, которыми тешат себя непоседливые люди. Историков он не любил особенно, считая их лгунами и фантазёрами, которые только и извиняются перед человечеством за свои неточные выводы. Люди и сегодня не знают, что находится в километре под водой, зато историки знают про брачные игры динозавров в мелких деталях плюс-минус миллион лет.

У К. было много претензий к учёному человечеству, только у человечества не было претензий к К., что неизбежно накладывало определённый отпечаток на их товарно-денежные отношения.

Если взглянуть на К. со стороны, то так он и выглядел, как и думал. Маленькая женщина оценила это сразу. Никогда у неё не было такого мужчины, которого можно было бы утешить, как малое дитя. Она уже знала, что К., какой бы он не был, всё равно первым заговорит с ней, а там — как карта ляжет.

Все маленькие женщины так думают. Все маленькие женщины выучили наизусть одну сюжетную линию будущего счастья. Звучат эти слова впечатляюще и незащитно, их смысл пленяет разум и сводит с ума, лишает бдительности и завораживает своей монументальностью, которая соткана из пустоты и чужой программы имя которой — размножение. Миллионы лет с шорами на глазах работает механизм на обоих полюсах полов под вывеской «Думаю, потом делаю — это для женщин. Делаю, потом думаю — это для мужчин».

К. даже не понял, как его язык повернулся что-то спросить про останки древнего храма у маленькой женщины-соседки. Автобус ждал недолго этого вопроса и облегчённо выдохнул, когда маленькая женщина улыбнулась и согласилась всё показать такому незадачливому путешественнику, который запутался в девственности собственного несовершенства. Маленькая женщина уже фантазировала дальнейший путь за двоих. Она знала слабые места этого неуклюжего путешествия и сильные места своего заговора.

На развалинах храма сидели ленивые чёрные вороны и утверждали, что могут уничтожить небо, если захотят. У неба не было претензий к воронам.

К. смотрел на усталые стены былого величия рядом с маленькой женщиной и пытался сохранить в памяти точную картинку. Он всегда так делал. Надо точно запомнить детали, а потом будет легко пофантазировать.

К. был хуже историка, вернее, стал таким час назад, потому что теперь его разум был заполнен более важными делами, которые не терпят отлагательств. Внезапная пена жизни захватила его, весь его прошлый изнурительный порочный опыт что-то изменить вдруг попросился на разоблачение.

Он чувствовал, как что-то неизбежно меняется местами в лучшую сторону и, не находя объяснений происходящему, всё списывал на заслуги маленькой женщины.

Здравый смысл и бунтующий разум вышли из его тела и испуганно убежали в разрушенный храм под ироничное карканье ворон.

Маленькая женщина нежно взяла за руку К. и повела по прямой дороге вниз холма. К. вспомнил про свой портфель на вековых камнях, на который уже нагадили вороны, и хотел вернуться, но маленькая женщина одёрнула его. К. махнул рукой и скрылся за горизонтом.

Тысячи женщин склонили свои головы и плакали. Бесцветные слёзы стекали в огромное прозрачное озеро. Те, кому не было возможности подойти к берегу, плакали прямо на спину огромного холма.

Не было печали и криков в этом генетическом шабаше. К. стоял среди плачущих женщин и уже не искал ответа на очевидные вопросы. Можно даже сказать, что К. уже не замечал всего этого. Ему казалось, что ничего не произошло. К. даже не заметил сделки, где он потерял свою единственную ценность.

У этого недосмотра было много причин. Наша интуиция порой спит, если тебе нужно оправдание, иногда спасает тебя, если твоей вере нужна защита, но, как правило, нет здесь никакой интуиции. Мизерность самой конструкции внутреннего мира человека отворачивается от неспособности мыслить дальше и принимает то, что лежит на расстоянии вытянутой руки. Остаются лишь угрызения совести, которые быстро исчезают. Когда такие вопросы тревожат маленьких женщин, некоторых из них, скажем так, тогда они поступают как всегда – рожают ещё ребёнка, начиная всё сначала.

Тем временем, на берегу маленькие женщины изменились. Это всегда происходит, потому что маленькие женщины так считают – объём слёз пропорционален счастью.

Вы с этим не согласны? Вспомните Гамлета с вопросом «Кто скажет мне – подлец?» Это то же самое в женском обличье.

Теперь каждая из них выглядела сообразно своим представлениям о счастье. У всех свои представления на этот счёт. К. уже не было видно среди женщин-властелинов. Он растворился в цветном безумии юбок на берегу якобы солёного озера. Иногда он появлялся тёмной точкой, когда юбки широко развевались в порыве страсти, но это длилось недолго.

Вороны, которые сидели на страже усталого храма периодически прилетали сюда после очередной наивной угрозы небу и клевали мусор, который мешал маленьким женщинам веселиться. К. испытал облегчение, когда почувствовал жёсткий клюв вороны на своём

затылке. Огромная ворона безразлично несла К. обратно к храму. Он смотрел в голубое небо, у которого не было никаких претензий к К..

Никто не ставит под сомнение, что Достоевский и Кафка знали этот мир лучше нас. Может быть, это произошло из-за отсутствия в нём маленькой женщины? Они её проигнорировали, иначе как понять грань фразы: «Есть вопросы, мимо которых мы никогда не прошли бы равнодушно, если бы не были освобождены от них от природы»

Радуга за углом

На пустой освещённой улице где-то на окраине усталого мегаполиса высокий, длинный, как гигантский поезд, многоквартирный дом, из которого вышел А., безмятежно спал в тумане сентябрьской ночи. Былое величие пылающего августа предательски отступало перед молчаливым безразличием осени, её плавная нежность тихо и таинственно прилипала сонной негой на влажные ресницы сбитого с толку А..

Мягкая печаль уходящего лета вяло вытекала из безмолвных теней рыжих клёнов под фонарями и лениво зевала одинокими вальсами редко падающих листьев. На другой стороне улицы зловеще поблескивали рельсы трамвайных путей, и, там, где они заканчивались, вдали, можно было рассмотреть силуэт застывшего вагона на конечной остановке.

А. сел на пустую скамейку и закурил. Лицензия на счастье его никчемной жизни уже давно плюнула на А. и скрылась в поисках другого кандидата. А. теперь не принадлежал никому, отчёты и доклады самому себе о смысле или бессмыслице его существования остались бесхозными. Рюкзак с тяжёлыми камнями судьбы был сброшен с усталых плеч, и А. только улыбался самому себе, повторяя слово «судьба» много раз. Неожиданно он засмеялся громко и закричал от охватившего его счастья, которое хлынуло на него с головы до ног. Бывают такие моменты, когда приходит наваждение, через минуты оно физически надоедает и, скорчившись, уходит. Моменты счастья в хаотичном движении материи.

А. пошёл по пустой асфальтированной дороге в сторону конечной трамвая. Он остановился и достал из светлого плаща недопитую бутылку красного вина, открыл зубами самодельную пробку. А. выплюнул пробку на дорогу и приложился к бутылке. Пробка остановилась на железном рифлёном люке канализации. А. допил до дна вино и выбросил бутылку в траву. Его шатнуло от удовольствия, и он поднял голову и долго смотрел в туманную дымку, в застывшие силуэты парка, где фонари плавно мазали молочным цветом вокруг себя, как усталые юбки забытых невест-неудачниц.

А. опустил взгляд на дорогу и удивлённо заметил, что пробка из газеты исчезла. Он точно видел, как она упала на землю, и, прокатившись по ровной поверхности асфальта, остановилась на железном люке. Он стал на таинственную эмблему железного круга и постучал по нему каблуком. Стук каблука раздался ужасным пугающим глубинным эхом в лабиринте потревоженной земли.

Люк начал медленно сдвигаться в сторону вместе с улыбающимся А.. Вдалеке, на остановке зажглись фары трамвая, они медленно начали приближаться. Люк со скрежетом сдвигался в сторону. А. отошёл на несколько шагов и лихорадочно смотрел то на трамвай, который плавно сошёл с рельс и выехал на асфальтированную дорогу, то на люк со зловещей эмблемой, который сам себя двигал в сторону.

Трамвай бесшумно приближался к А., теперь на его крыше вспыхнул прожектор и безжалостно слепил глаза. Люк резко подбросило, и он нелепо покатился по дороге, плавно виляя, приземлился на другой люк и лёг на него точно сверху. Неведомая сила беззвучно вдавила упавший люк в дорогу. А. зачарованно вертел головой, глядя то на приближающийся трамвай, то на чёрную открывшуюся бездну колодца и успокаивал сам себя растерянной улыбкой.

Он бросил беглый взгляд на огромный дом и оцепенел от страха – на него смотрела ровная стена железобетона. А. пытался вычислить, где приблизительно могли находиться окна его квартиры на третьем этаже, где ещё жила бледная надежда, но плоская безликая поверхность уходила в туманную бесконечность и сбивала привычные ориентиры.

А. закричал, он знал, что он кричит. Мышцы лица свело от боли, рот был широко раскрыт, но звука не было. Теперь трамвай стоял перед ним и удивлённо рассматривал А., моргая фарами, как глазами. А. повернул взгляд от света.

Из глубины парка юбка света от фонаря медленно взлетела над деревьями. Грациозно танцуя с невидимым партнёром, Незнакомка плавно приближалась к А.. Он смотрел, как танцующая, сотканная из лунного света юбка кралась по туманному небу к ним. Трамвай любовался мистическим ритуалом лунной юбки и повернул фонарь на крыше в сторону магической феерии. Ровный луч сопровождал Незнакомку, её сотканное из миллионов разноцветных искр тело светилось в тумане, улыбка замерла на её безмятежном лице.

Незнакомка приземлилась рядом с А. и протянула к нему сверкающую еле заметную руку. Газовый призрак в лунной юбке обволакивал, меняя форму, застывшее в неверии, существо А.. Из чёрной бездны колодца начало выползать бесцветное желе, оно пенилось и множилось, поглощая всё пространство. А. стоял в нелепой позе, держа в руке призрак Незнакомки, свет фар трамвая потускнел из-за мутного желе, которое лезло в уши, щекотало горло – и музыка, ещё звучала музыка. В ней не было скрипок, барабанов, высоких нот – ровное однотонное тягучее гнетущее «ФА».

А. поднял взгляд вверх и ничего кроме желе там не увидел. Однако в миг всё прояснилось, желе отступало и превращалось в колпак над его головой. Незнакомка летала под образовавшимся круглым потолком, как в цирке, и сыпала блестящие искры. А. ловил их руками и улыбался. Он пробовал их языком и показывал трамваю, на что тот лишь лениво моргал фарами. Незнакомка опустилась возле А., и он отчётливо впервые увидел её лицо.

– Я тебя никогда не видел раньше, не правда ли?

Незнакомка поцеловала А. в губы и взяла его за руку. Она подвела его к краю колодца и опустила свой взгляд вниз. Трамвайный фонарь на крыше вытянул свою железную шею и согнулся в колодец. А. увидел внизу удивительно прекрасный наполненный яркими красками восхитительный мир. Тысячи любопытных человеческих глаз смотрели на него восхищённо и молчаливо манили к себе. А. поднял свои глаза на безмятежное блаженство в лице Незнакомки.

– Тот мир огромнее и прекрасней, чем этот?

Незнакомка плавно качала своей сверкающей головой.

– Ты отпустишь меня?

Незнакомка поцеловала А. в сухие губы и оторвалась от земли. А. смущённо улыбнулся, глядя, как она переливалась миллионами искр в молочном спокойствии, и шагнул в цветущий колодец.

Скрытый дефект

Огромный красный шар запутался в ветвях больших деревьев, стоящих на холме. Их плавные могучие кроны в круглом красном киноэкране солнца даже при ленивой игре воображения становились похожи на контрабандистов, которые уже украли солнце, но ещё не договорились между собой – куда его спрятать.

Фарадей смотрел на чудовищный красный глаз, который и не собирался моргать, лишь медленно и величественно погружался в ресницу далекого леса на засыпающем горизонте. Ничто уже не могло изменить этой свинцовой траектории. Солнце, преодолевая смертельную усталость, ждало смены караула и лениво осматривало окружающий мир для того, чтобы передать его во власть, равноценную по значению.

Серо-голубые тени и молочная дымка уже крались по соседним холмам, на которые свет заката уже не действовал. В этом неизбежном сгустке сумерек чувствовалось какая-то хулиганская сила, которая еще не могла, из-за боязни быть рассеянной светом, откровенно, подобно таможене, выйти и объявить свои права. Мрак тени еще репетировал после дневного сна перед выходом на авансцену.

Если бы не музыка и крики людей на берегу, то можно было бы поверить, что смотришь на фотографию.

Фарадей почувствовал себя настолько малым в этой немой громадине – раздвигать воображение было некуда, что даже боялся назвать этот мир своим, испуганный величием и безразличием, внезапно его окружившим. Но, и отдать все это кому-то – тоже было невозможно, ведь глаза и уши принимали всю это блажь и главное – пульсирующая червоточина, которая когда-то далеко в детстве забралась в его нежную душу и сейчас отвоевывала все большую и большую территорию. Фарадей позволял ей беспечно жить и творить, находя в этом хоть слабое, но утешение неразделенной первой любви.

Он сидел в лодке в середине небольшого озера и уже был почти забыт своими новыми и старыми приятелями, которые расположились на холме перед деревьями – контрабандистами и праздновали чей-то очередной успех. Фарадею стало грустно – он незаметно ускользнул от шума. Взял лодку, сняв яркую рубашку, чтобы его нельзя было узнать с берега, и заплыл подальше от ненужных вопросов и глупой полемики.

Фарадей медленно смотрел вокруг. Вот это сцена! Противоположный от тополей берег уже почти сливался с зеркальной гладью озера. Красный широкий галстук заката автострадой пролегал по стальной коже засыпающей воды. Лодка, как заколка от бутафорского галстука, разрезала суженное отражение пополам. Облака над солнцем растянулись в огромные алые губы. Фарадей уже чувствовал их влажное прикосновение, их вялое здоровое дыхание, от них веяло спокойствием и загадочностью. Но, это не были поцелуи жизни, они больше напоминали какой-то зашифрованный символ, тайный смысл которого вот-вот должен быть понятен.

Да, это поцелуй Евы! Кроваво-красный, чужой, фальшивый и далекий! Вот именно – фальшивый! Очень далекое и забытое открытым нервом сладко шевельнулось внутри – сердце забилося, сознание затребовало что-то бесконечно утраченное и не прощенное.

– Нет, не надо, нет, остановись – еле сдерживая слезы, умолял Фарадей.

Он уже видел, как озеро превратилось в огромное фарфоровое блюдо, в середине которого плавала лодка, как щепка. Он беспомощно греб веслами стараясь удалиться от прикосновения ее алых губ. Рука Евы грациозно наклонила фарфоровую посуду – губы медленно втягивали жидкость. Лодка неслась к безумию. Фарадей уже прилип к ее губам, которые опускались и закрывались, облизывая сладким языком все его тело. Он закрыл от блаженства глаза.

Теперь Фарадей слышал звуки фортепиано. Мелодия звучала чисто и нежно, где-то далеко и проникновенно, делала опять его вялым и беспомощным. Фарадей тихонько открыл глаза и увидел Еву, которая была больше солнца, и ее нежные любимые руки играли на белом рояле «К Элизе». Бетховен звучал опять, как в тот сказочный вечер, с которого все когда-то и началось. Ева исчезла, а ее губы замерли, в них еще была жизнь, но уже не было намека на ее продолжение.

Эту зафиксированную гармонию нарушали уже крики и шум людей на берегу. Природа показывала счастьем одного вечера, как в миниатюре, счастье всей жизни. Фарадей закурил и кто-то, заметив вспышку зажигалки, закричал его имя. Через мгновение его имя закричали тысячи голосов. Крик, как скальпель, резал обнаженную натуру природы. Все это казалось ему чудовищно нелепым.

Он увидел людей на берегу, вместо рта у каждого из них стоял железный динамик. Динамики вибрируют и из растянутой дребезжащей пластмассы летят маленькие цветные шарики. Люди осыпают ими друг друга, как крупной дробью. Не услышанные, не нужные слова – шарики, как будто обидевшись, покружившись среди людей, чернеют и взрываются. Те, которые светлее, обиженно собираются в маленькие тучки и летают рядом, внимательно прислушиваясь к разговору людей, чтобы в нужный момент оказаться рядом, и влететь в уши. Но люди кричат еще сильнее, тогда из динамиков вылетают ножи, вилки, острые куски металла. Они режут мясо, разрывают на части озверевшие фигуры безумия, оставляя лохмотья беззащитной плоти.

Фарадей беззвучно скользнул к берегу. Темная вода нежно шептала:

– Не надо, не надо, не убивай ее. Фарадей засмеялся:

– Да, не убивай ее, Кэрл! – слышались слова песни Манфреда Мэнна с берега.

Фарадей уже видел ровные стволы молодых деревьев. Они стояли вдоль берега и терпеливо безмолвствовали. Странная очередь, в конце которой уже стояла Ева. Из далекой юности выплыла картинка, похожая на эту, только вместо почти исчезнувшего солнца, Ева стояла в проеме окна у себя дома на фоне Луны. В ту ночь он стал мужчиной. В темном доме он искал ее и, испугавшись, спросил: – Ты где?

Не оборачиваясь, как статуя, глядя на луну, тихим чужим голосом она ответила: – Я повсюду.

Фарадей шел по аллее, прикасаясь к каждому дереву, понимая неизбежность будущего шага для каждого из них. Она спросила:

– Ты где?

И за Фарадея кто-то ответил: – Я повсюду.

Увидев Фарадея, она побежала и бросилась в объятия, дрожа и испуганно оглядываясь. Это была Люси.

– Ты все помнишь? – спросил Фарадей. Люси кивнула.

– Да, не бойся, Люси. Я буду рядом.

Фарадей прижал ее к себе, и они пошли в разные стороны. Он шел на свет костра и шум своего эксперимента.

Он уже стоял за кустом и внимательно смотрел на языки пламени, которые плавно танцевали в сумерках и старались лизнуть людей, как будто что-то хотели сообщить им. Предательские намерения огня оставались непонятыми, как и все остальное. Фарадей осматривал пьяную компанию, яркий свет костра и ничего не находил во всем этом того, чтобы раскрыло его замысел. Он наблюдал органичность этой мизансцены и думал, что если бы на театральной сцене зажигали настоящий огонь, то он смог бы скрыть многие пороки недалекой режиссуры.

Убедившись, что ничто не вызывает особых опасений, он вышел на освещенную площадку. Увидев Фарадея, все эти наполовину незнакомые ему люди, заорали опять его имя. Голоса звучали уже не так пронзительно. Он устроился возле костра рядом со своей новой знакомой Леной, которая когда-то давно украла у его приятеля много-много денег на должности главного бухгалтера банка и бесследно исчезла. Фарадей нашёл её в этом незнакомом городе и собирался изменить ход её беззаботной жизни. Фарадей снял квартиру напротив её окон, выучил привычки и «случайно» познакомился на улице при обычных обстоятельствах, чтобы не спугнуть долгожданную добычу.

Фарадей не был злым, коварным человеком, но хотел, чтобы в мире всегда существовал приоритет на стороне мужчин, так как имел, как и многие из нас, неудачную первую любовь с отягчающими обстоятельствами. Никакой крови, нет, пусть восторжествует справедливость! Фарадей незаметно поглядывал на Экватора. Их взгляды встретились и он, взяв стакан с водкой, произнес тост:

– Глядя вокруг, создается впечатление, что мир во всём своём величии и неописуемой красоте все же может быть хоть чуточку не таким уж благополучным до конца, если кто-то из нас несчастен, вернее, если он не влюблен. Итак, за Любовь! За Гармонию Мира!

Молчаливые слушатели заорали во весь дух, застучала посуда, все вокруг костра задвигалось и заговорило, каждое о своем. Фарадей прилег на колени Лены и посмотрел в красное небо. Губы Евы растянулись еще шире, они стали тоньше и целовали уже половину видимого неба. Фарадей слышал, как губы сказали:

– Пора, уже пора, накажи ее, отомсти ей, заставь ее ползать у твоих ног, мой мальчик!

– Все тебе мало! – думал Фарадей.

Лена, глядя на него в упор, посылала ему какие-то тайные сигналы, играя глазами.

– Сейчас вы все поиграете в мой спектакль. Есть даже подходящее название – «Невинная жертва».

Раздался выстрел, через несколько секунд прозвучали еще два. Все испуганно замерли. Были слышны только веселый девичий смех и музыка из машины. Фарадей вскочил и побежал к молодой парочке. Дочь Лены Наташа, держа в руке пистолет, собиралась стрелять дальше по пластмассовой бутылке на кустах у самого берега. Экватор стоял рядом и из-за плеча Наташи корректировал огонь. Фарадей забрал пистолет из рук девушки и, злобно глядя на молодого парня, закричал:

– Я тебе тысячу раз говорил – не брать его в руки!

Фарадей шлепнул его ладонью по уху и вернулся к костру. Он сел на свое место, держа в руках пистолет, и молчал. Холодная темная сталь пистолета отливала зловещий оскал страха в свете костра и наводила тупой ужас на онемевшую компанию.

– А, это еще что такое?

Фарадей встал и показал рукой на лодку, которая медленно выплыла из-за куста, по которому стреляли. Свет костра, как днем, и, еще не успевшее скрыться солнце, освещали лодку и лежащее в ней тело убитой девушки. Лицо незнакомки было в крови, на белой майке было видно огромное красное пятно. Тело замерло, полусидя, откинувшись на небольшой ящик за ее спиной. Все теперь узнали девушку, которая раньше тут проплывала, как и многие другие отдыхающие из санатория в полу километре отсюда.

Фарадей медленно пошел по темной воде и подтянул лодку почти к берегу, чтобы все увидели реальную смерть.

– Пульса нет. – Сказал он, держа ее руку.

Затем он выскочил из воды:

– Никому ничего не делать! Сядьте на свои места! Я сейчас что-нибудь придумаю.

Лена обнимала свою юную дочь, которая уткнулась лицом в ее грудь.

– Какая трогательная мизансцена! Если бы я был художником, то правдивость и драматизм композиции глубоко удовлетворили бы меня – рассуждал про себя Фарадей.

Он уже открыл багажник своей машины и взял подготовленный заранее большой аккумулятор. Поставив его поближе к костру, принес буксировочный трос и начал обвязывать им батарею, нервно дергая каждый узел. Взяв двумя руками груз, пошел к лодке. Свободный конец тянулся по песку, как змея. Повернувшись лицом к каменным статуям, он добавил:

– Если кто-то из вас подумает взболтнуть об этом, то будет выглядеть примерно также. Экватор, взрывай петарды. Веселимся дальше!

Все смотрели, как лодку забирала темнота озера, которой управлял Фарадей. Он энергично греб подальше от берега. Заплыв на середину, остановился и сказал:

– Можешь уже открыть глаза, я и сам поверил в твою гибель. Молодец, Люси! Сыграно блестяще!

В небе летали цветные петарды.

– Молодец, Экватор! Вы, оба молодцы! – добавил Фарадей.

Люси тихонько хихикала, снимая кровавую майку. Затем вымыла голову водой. Фарадей взял свой старый армейский бинокль и смотрел на берег. Музыка зазвучала громче. Все происходило так, как он и предполагал. На берегу были видны Лена с Наташей и Экватор. Остальные из массовки поспешно уехали на второй машине.

– Ну, теперь ты довольна? – Фарадей смотрел в небо.

Губы еле заметно заулыбались. Тень Евы уже летала где-то рядом с лодкой. Стало совсем темно. Лодка поплыла туда, где были спрятаны вещи Люси. Теперь Люси лежала на дне лодки под пледом, почти до самого берега. Фарадей перестраховывался. Он опустил аккумулятор в воду. Конец буксировочного троса резко ушел в глубину. Фарадей толкнул Люси. Она бесшумно нырнула за борт, уже в ластах и маске, и исчезла во мраке.

Лодка причалила недалеко от происшествия. Фарадей смыл краску и привязал ее цепью к дереву. Он пошел опять по молодой аллее и увидел в конце тень Евы. Он сел и оперся спиной о ствол. Тень летала между деревьями и шептала:

– Я повсюду. Я повсюду.

Фарадей старался точно вспомнить ее лицо и не мог. Только шрам у ее левого виска, который Ева искусно прятала. Лицо являлось в постоянном движении, то, зовя и улыбаясь, то нервно оправдываясь. Именно так – середины не было. Вот такая она и осталась в его памяти – влюбленная до безумия и чужая, агрессивная в моменты своих оправданий.

– Зачем она так со мной поступила? Именно из-за нее в его жизни и происходит все так, как она заранее хотела.

Фарадей уже сам стал деревом в этой ровной аллее в ночной тишине. Тень материализовалась, и легкий шорох ее шагов уже был слышен среди нарядно одетых юношей, стоявших в три ряда на огромной сцене актового зала средней школы. Было тихо и немного страшно в этой таинственной атмосфере ожидания взгляда любимой всеми Евы. Фортепиано озвучило первые аккорды, и хор в три партии запел:

– Купалинка, купалинка, тёмная ночка...

Попасть в школьный хор было нелегко. Ева сама выбирала достойных, договариваясь с их родителями. К ней попадали наиболее одаренные ученики. Фарадей до сих пор не смог понять, чего было в ней больше – добра или зла? Пробуждение индивидуализма – вот чего она хотела от нас, и покорности. Хор находился в постоянных гастролях, смотрах, сводных репетициях с другими коллективами. Все это не оставляло времени опомниться. Ева забирала все. И отдавала все. После вечерних репетиций всегда находились желающие проводить ее домой.

Жила она одна в небольшом домике на окраине города. Все участники вечерней демонстрации у нее дома пили чай и счастливые расходились по домам. И обязательно кто-то из парней постарше возвращался обратно. Прячась и крадясь в темноте, чтобы познать тайну первой любви. Потом пришла очередь Фарадея. Однажды Ева сказала ему:

– У тебя хорошие данные, ты мог бы стать пианистом.

Она взяла его руку и водила по каждому пальцу.

– Видишь, какая у тебя длинная кисть. Тебе будет намного легче играть, чем мне.

Она положила свою маленькую ладонь в горячую руку Фарадея.

– Я хочу, чтобы ты стал знаменитым. Вот здесь я написала дни и время занятий. Я тебя жду у себя дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.